

СКАРЛЕТТ. ТОМ А
НАВАХ ДЕНЬ
ЛЮМАСА

издательство АСТРЕЛЬ

с английского
перевод

ИРИНЫ ФИЛИПОВОЙ

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)
Т56

This edition is published by arrangement with *Canongate Books*
and *Synopsis Literary Agency*

Художественное оформление и макет Андрея Бондаренко

Издание осуществлено при техническом содействии издательства АСТ

Томас, С.

Т56 Наваждение Люмаса : роман / СКАРЛЕТТ Томас ; пер. с английского И. Филипповой. — М.: Астрель : CORPUS, 2010. — 560 с.

ISBN 978-5-271-30929-8 (ООО “Издательство Астрель”)

Свой первый роман английская писательница Скарлетт Томас опубликовала в двадцать шесть лет. Год спустя она с шумным успехом выпустила еще два, и газета *Independent on Sunday* включила ее в престижный список двадцати лучших молодых авторов. Из восьми остросюжетных романов Скарлетт Томас особенно высоко публика и критика оценили “Наваждение Люмаса”.

Молодая аспирантка Эриел Манто обожает старинные книги. Однажды, заглянув в неприемлемую букинистическую лавку, она обнаруживает настоящее сокровище — сочинение полускандального ученого викторианской эпохи Томаса Люмаса, где описан секрет проникновения в иную реальность. Путешествия во времени, телепатия, прозрение будущего — возможно все, если знаешь рецепт. Эриел выкладывает за драгоценный том все свои деньги, не подозревая, что обладание раритетом не только подвергнет ее искушению испробовать методы Люмаса на себе, но и вызовет к ней пристальный интерес со стороны весьма опасных личностей. Девушку, однако, предупреждали, что над книгой тяготеет проклятие...

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)

ISBN 978-5-271-30929-8 (ООО “Издательство Астрель”)

- © Scarlett Thomas, 2006
- © И. Филиппова, перевод на русский язык, 2010
- © А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2010
- © ООО “Издательство Астрель”, 2010
Издательство CORPUS®

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

11

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

143

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

355

ЭПИЛОГ

556

Посвящается Кузу Венну

Со всем чистосердечием и готовностью Запад принял систему репрезентаций, уверовал, что знак может отсылать к глубинному смыслу, что знак может смысл заменять и что существует нечто, служащее гарантом такого обмена, — Бог, разумеется. Но что, если самого Бога можно симулировать, то есть свести к знакам, составляющим веру? В таком случае вся система переходит в состояние невесомости, становится не чем иным, как гигантским симулякром — не ирреальной, но симулякром, то есть уже не может обмениваться на реальное, а обменивается лишь внутри себя в непрерывном цикле, не имеющем отношения ни к чему в реальности.

Жан Бодрийяр

Существует даже возможность, что сущее кажет себя как то, что оно в самом себе не есть¹.

МАРТИН ХАЙДЕГГЕР

1 Перевод В. Бибикина. (Здесь и далее — прим. перев.)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Ничто не бывает хорошим или дурным — таковым его делает мысль, и только мысль способна на это.

Сэмюэл Батлер

Глава первая

У ВАС ЕСТЬ ОДНА ВОЗМОЖНОСТЬ.

У вас... Я сидела на подоконнике у себя в кабинете, тайком курила и, напрягая глаза в тусклом зимнем свете, пыталась читать “Маргинс”. Вдруг раздался шум, какого я никогда раньше не слышала. Ну хорошо, хорошо, шум вроде этого — треск и грохот — я, может, и слышала, но на сей раз он доносился откуда-то снизу, а это ненормально. Подо мной ничего нет: я работаю на первом этаже. И все же землю трясет — так, словно что-то рвется из нее наружу. Мне почему-то представилось, как чьи-то матери вытряхивают покрывала, а может быть, сам Бог вытряхивает полотно пространства и времени; и тут меня осенило: черт, да это же землетрясение! — я бросила сигарету и выбежала из комнаты, и почти в ту же секунду раздался вой сирены.

Обычно, когда включают сигнал тревоги, я не спешу выбегать из кабинета. Да и никто не спешит. Ведь в большин-

стве случаев сирена — не более чем пустой звук, учебная тревога... Добежав почти до самых дверей запасного выхода, я обнаружила, что тряска прекратилась. Вернуться обратно в кабинет? Но когда гудит сирена, находиться в здании невозможно: вой такой пронзительный, что кажется, будто он раздается прямо у тебя в голове. Я все-таки двинулась к выходу — мимо доски объявлений службы здоровья и безопасности, на которой висят фотографии людей с разными травмами. На ходу рассмотреть их никогда толком не удастся, но краем глаза замечаешь бедолагу, у которого болит спина, да к тому же прихватило сердце, и голограммные человечки пытаются его оживить. В прошлом году меня записали на занятия по оказанию первой помощи, но я на них так и не пошла.

Я открыла дверь и увидела, как из здания Рассела вываливаются люди и несутся — некоторые бегом — мимо нашего корпуса, вверх по бетонной лестнице, в сторону здания Ньютона и библиотеки. Я обогнула правое крыло и тоже побежала по лестнице, перемахивая через две ступеньки. Небо серое, с тонкой, похожей на телевизионные помехи изморосью, которая замерла в воздухе, словно в стоп-кадре. В январские дни вроде этого солнце опускается совсем низко и висит на небе, как одетый в оранжевое Будда из документальной программы о смысле жизни. В этот день солнца не было. Подойдя вплотную к собравшейся толпе, я остановилась. Все смотрели в одну сторону, тяжело переводили дыхание и отпускали шуточки по поводу происходящего.

Они смотрели на здание Ньютона.

Здание падало.

Мне вспомнилась игрушка — кажется, я видела такую у кого-то на столе? — деревянная лошадка, а внизу — большая кнопка. Когда нажимаешь на кнопку, у лошадки подгибаются

колени и она вся как-то обваливается. Вот так выглядело сейчас здание Ньютона. Оно уходило под землю, но не все целиком, а по частям: один угол уже скрылся из виду, на очереди — второй, а за ним... Но на этом здание, последний раз скрипнув, замерло. Окно на третьем этаже распахнулось, из него вывалился монитор от компьютера и разбился об остатки бетонного двора там, где раньше был вход. К искореженному двору медленно приближались четверо мужчин в касках и флуоресцентных куртках, потом к ним присоединился еще один — он что-то сказал, и они все вместе ушли.

Рядом со мной стояли двое мужчин в серых костюмах.

— Дежавю, — сказал один другому.

Я огляделась по сторонам в поисках кого-нибудь знакомого. Мэри Робинсон, руководитель нашего отделения, разговаривала с Лизой Хоббс. А больше из наших, пожалуй, никого и не было. Правда, чуть поодаль стоял Макс Труман и курил самокрутку. Он-то уж точно знает, что тут творится.

— Привет, Эриел, — пробубнил он себе под нос, когда я подошла ближе.

Он всегда вот так бубнит — не робко, а с таким видом, будто сообщает, во сколько обойдется заказать твоего злейшего врага или подстроить результаты скачек. Интересно, я ему вообще нравлюсь? По-моему, он мне не доверяет. Да и с чего бы? Я — молодая, на кафедре недавно и, наверное, производжу впечатление человека с амбициями, хотя на самом деле у меня их нет. Зато есть длинные рыжие волосы, и люди говорят, что побаиваются меня (из-за волос? или из-за чего-то другого?). А те, кого моя внешность не отпугивает, говорят, что я “хитрая” и “непростая”. Однажды у меня был сосед, который утверждал, что не хотел бы оказаться наедине со мной на необитаемом острове, но не объяснил почему.

— Привет, Макс, — сказала я и прибавила: — Ничего себе.

— А, так ты еще не знаешь про туннель?

Я помотала головой.

— Тут под землей проходит железнодорожный туннель. — Макс указал глазами, где именно. Затаившись самокруткой, он использовал ее в качестве указки. — Идет вон там под Расселом и здесь — под Ньютоном. Тянется — ну, или раньше тянулся — от центра города до самого берега. Им не пользовались уже лет сто. Уже второй раз обваливается — и Ньютон за собой тащит. Еще после первого раза надо было залить его бетоном.

Я посмотрела туда, куда указал Макс, и начала мысленно соединять прямыми линиями здания Ньютона и Рассела и представлять себе, что по этим линиям проходит туннель. С какого угла их ни соединяй, здания английского и американского факультетов попадали на линию.

— Ну, по крайней мере, никто не пострадал, — пробубнил Макс. — Техслужба еще утром заметила трещину в стене и всех эвакуировала.

Лиза вздрогнула.

— Просто невероятно, что все это происходит на самом деле! — воскликнула она, глядя на здание Ньютона. Серое небо стало еще серее, дождь усилился. Здание Ньютона с темными окнами выглядело очень нелепо — похоже на гигантский окурок, затушенный о землю.

— Да уж, — вздохнула я.

Еще несколько минут мы стояли и молча смотрели на здание, а потом появился человек с мегафоном, который велел нам всем немедленно расходиться по домам и сегодня в университет уже не возвращаться. У меня защипало в носу. Искоруженный бетон — это так грустно.

Не знаю, как другие, но лично я не могла вот так просто взять и пойти домой. Ключи от квартиры у меня только одни, и они остались в кабинете — вместе с пальто, шарфом, перчатками, шапкой и рюкзаком.

У главного входа стоял охранник и никого в здание не пускал, поэтому я спустилась по лестнице к пожарному выходу. Мое имя на двери кабинета не значится — только имя его официального обитателя, моего научного руководителя, профессора Сола Берлема. До того как прийти сюда, я виделась с ним всего дважды: первый раз — на конференции в Гринвиче и второй — на собеседовании, когда надумала сюда устроиться. Я не успела пробыть на факультете и недели, как он исчез. Просто однажды утром, в четверг, я пришла и заметила перемены. Ну, начать с того, что в кабинете оказались закрыты и жалюзи и занавески: жалюзи Берлем под конец рабочего дня всегда закрывал, но к кошмарным серым занавескам никто из нас никогда не притрагивался. А еще в комнате пахло табачным дымом. Я ждала его в то утро часам к десяти, но он так и не появился. Когда он не пришел и в следующий понедельник, я принялась расспрашивать народ, куда он подевался, но никто не мог мне ответить. В конце концов лекции в его группах стал читать другой преподаватель. Не знаю, обсуждают ли это на факультете (со мной-то уж точно не обсуждают), но, похоже, все тут считают, что я совершенно спокойно могу работать над диссертацией и без него — подумаешь, испарился. Ага, а ничего, что я вообще-то поступила сюда работать именно из-за него? Ведь он — единственный в мире человек, который всерьез занимался одной из моих излюбленных тем — творчеством писателя XIX века Томаса Э. Люмаса. Если здесь не будет Берлема, я не очень хорошо представляю, что мне тут делать. И чувствую себя как-то

странно из-за того, что он вот так взял и пропал — не то чтобы мне его не хватало, нет, но просто как-то все это странно.

Я оставила машину на стоянке Ньютона. Когда я пришла туда, меня уже не удивляли мужчины в строительных касках, советующие автолюбителям забыть о своих тачках и добираться до дому пешком или на автобусе. Я попыталась было с ними поспорить и сказала, что с радостью рискну в надежде на то, что здание Ньютон не станет подниматься обратно, как на медленной видеоперемотке, чтобы упасть заново, но на этот раз в совершенно другом направлении. Мужчины, однако, ответили мне весьма грубо и предложили все-таки пойти домой пешком или сесть, как все остальные, на автобус — и в итоге я отчалила в направлении остановки. На дворе стояло самое начало января, но из-под земли уже пробились нарциссы и подснежники, которые тянулись влажными рядками вдоль тропинки. Автобусная остановка не сулила ничего хорошего: рядом с ней выстроились в очередь люди, на вид такие же хрупкие и замерзшие, как эти крошечные цветы, — и я приняла решение идти домой пешком.

Мне казалось, что отсюда до центра города есть короткая дорога через лес, но я не знала, где именно она проходит, поэтому старалась придерживаться маршрута, которым обычно выезжаю из университетского городка на машине. По пути я снова и снова прокручивала в голове картину рушащегося здания и в конце концов поймала себя на том, что начинаю вспоминать такие вещи, которые на самом деле не происходили. И приказала себе прекратить об этом думать. Зато начала размышлять о железнодорожном

туннеле. Вообще-то понятно, для чего он мог понадобиться: университетский городок расположен на вершине холма, и логичнее было вести дорогу под ним, а не по нему. Макс сказал, что туннелем уже лет сто как не пользуются. Интересно, что было на этом холме сто лет назад? Уж точно не университет – его построили в 1960-х. Но как же холодно! Наверное, все-таки стоило дожждаться автобуса. Впрочем, пока я шла, меня не обогнал ни один. Добравшись до шоссе, я уже не чувствовала пальцев под перчатками и начала заглядывать в переулки справа от дороги – может, все-таки получится срезать. При въезде в первый висел знак “Проезд запрещен”, частично заляпанный птичьим пометом, зато второй выглядел многообещающе: ряд домиков из красного кирпича уходил немного влево, и я свернула туда.

Сначала мне показалось, что на этой улице стоят одни только жилые дома, но вскоре постройки из красного кирпича закончились, и за ними обнаружился небольшой сквер, в котором под тенистым навесом из запутанных, но совершенно голых дубовых ветвей ржавела пара детских качелей и горка. За сквером – паб, а за ним – несколько магазинов. Благотворительный секонд-хенд (уже закрыт), за ним – парикмахерская, из тех, где старушкам красят волосы в голубой цвет, а по понедельникам предоставляют услуги за полцены. Дальше – журнальный киоск и ломбард, а за ним – ага! – букинистическая лавка. Еще открыта. Я страшно замерзла. Открыла дверь и вошла.

В магазине было тепло и стоял слабый запах мебельного лака. На двери висел колокольчик, не меньше трех секунд оповещавший о моем появлении, и вскоре из-за книжных полок появилась девушка с банкой лака и желтой тряпкой в руках. Она улыбнулась и сказала, что магазин минут через де-

сять закрывается, но пока я еще могу посмотреть. Затем она уселась за прилавок и принялась вносить в компьютер какие-то данные.

— У вас есть компьютерный каталог всех ваших книг? — удивилась я.

Она перестала печатать и оторвалась от монитора:

— Да, есть, но я не умею им пользоваться. Я сегодня просто подменяю подругу, извините.

— А, ясно.

— А что вы хотели найти? — спросила она.

— Да не важно.

— Нет-нет, скажите, может, я как раз пыль стирала с нужной книги!

— Ммм... Хорошо. Знаете, есть такой писатель — Томас Э. Люмас... Может, у вас есть что-нибудь? — Я задаю этот вопрос во всех букинистических магазинах. Обычно у них ничего не обнаруживается, да и к тому же у меня есть уже почти все его книги, но я продолжаю спрашивать — на всякий случай. Все надеюсь отыскать менее потрепанный экземпляр или более раннее издание. Или, может, что-нибудь с другим предисловием или с обложкой почище.

— Хм... — Девушка задумчиво потерла рукой лоб. — Вроде бы знакомое имя...

— Может, вам попадалось название “Яблоня в саду”? Это его самое известное произведение. Остальные типографским способом не издавались. Он писал во второй половине XIX века, но так толком и не прославился, хотя заслуживал этого как никто...

— “Яблоня в саду”... Нет, какое-то другое название. А ну-ка, постойте. — Она подошла к книжному шкафу в глубине лавки. — Л, Лю, Люмас... Нет, ничего. Даже не представляю, в каком разделе искать. Это что-то художественное?

— Некоторые вещи — да. Но еще у него есть книга о мысленных экспериментах, есть поэтические сборники, трактат о государственном управлении, несколько научных работ и произведение под названием “Наваждение” — один из самых редких его романов...

— “Наваждение”! — Глаза ее радостно заблестели. — Точно! Подождите.

Девушка поднялась по лестнице на второй этаж быстрее, чем я успела предупредить ее, что она наверняка ошибается. Невозможно представить себе, чтобы где-то там наверху и в самом деле находился экземпляр этой книги. Я бы, пожалуй, отдала все, что у меня есть, ради того, чтобы завладеть таким сокровищем. “Наваждение” — последнее и самое загадочное творение Люмаса. Не знаю уж, с чем она могла его перепутать, но было бы полнейшим абсурдом полагать, что эта книга действительно здесь есть. Ее нет ни у кого. Один экземпляр находится в банковском хранилище в Германии, но ни в одной библиотеке эта книга не числится. У меня было подозрение, что Сол Берлем, возможно, видел ее, но и в этом я сильно сомневалась. “Наваждение” считают проклятой книгой, и хотя лично я ни во что такое не верю, некоторые полагают, что всякий, кто ее прочитает, вскоре умрет.

— Ну да, вот она, — сказала девушка, спускаясь по ступенькам с небольшой картонной коробкой в руках. — Вот это вы ищете?

Она поставила коробку на прилавок.

Я заглянула внутрь. У меня перехватило дыхание. Да, она была здесь — маленькая книжка в твердой обложке, отделанной тканью кремового цвета и с коричневыми буквами на лицевой и обратной стороне. Суперобложка потерялась, но в остальном качество почти идеальное. Но только этого ведь не может быть. Я открыла первую страницу и увидела

титульный лист и подробности издания. Черт! Да, это оно — “Наваждение”. И что мне теперь делать?

— А сколько стоит? — спросила я, едва дыша от волнения.

— О, с этим проблема, — ответила девушка и повертела в руках коробку. — Насколько я знаю, такие коробки присылают с аукциона из города, и раз она стояла наверху, значит, цена пока не назначена. Наверное, мне ее вам и показывать не следовало... Может, зайдете завтра, когда хозяйка здесь будет?

— Ой, нет, знаете... — начала я.

Мой мозг заработал с космической скоростью. Может, сказать ей, что я живу далеко отсюда, и попросить позвонить хозяйке прямо сейчас? Нет. Хозяйка точно еще не знает, что книга здесь. Нельзя рисковать: узнай она об этом, ни за что не продаст мне такую редкость — ну, или заломит за нее тысячи фунтов. Что же делать? Как заставить девушку продать мне книгу? Время шло. Она уже бралась за телефонную трубку.

— Позвоню подруге, — сказала она. — И спрошу, как быть.

Пока девушка набирала номер, я заглянула в коробку. Навероятно, но здесь были и другие книги Люмаса, а вместе с ними — несколько переводов Деррида, которых у меня не было, и еще что-то, сильно смахивающее на первое издание “Эврики” Эдгара Аллана По. Как все эти книги оказались в одной коробке? Невозможно представить себе, чтобы кому-нибудь пришло в голову объединить их, если только он не пишет диссертацию на тему вроде моей. Неужели кто-то и в самом деле изучает то же самое, что и я? Маловероятно — особенно если учесть, что этот кто-то отдал всю подборку книг в букинистическую лавку. Да и кто вообще станет отдавать такое богатство? Здесь пахнет Божьим промыслом — такое ощущение, словно кто-то сложил все эти книги в одну коробку специально для меня.

— Ну да, — сказала девушка в трубку. — Такая небольшая коробка. На втором этаже. Ага, из тех, что стояли в туалете. Ну... Тут, похоже, вперемешку и старые и новые. На некоторых из старых даже плесень... По-моему, в основном в мягких обложках... — Она вынула из коробки пару книг Деррида. Я кивнула. — Ну да, я же говорю, всего понамешано. А, да? Отлично. Пятьдесят? Серьезно? Не многовато? Ладно, я спрошу. Ага, хорошо, спасибо. Пока.

Она положила трубку и улыбнулась.

— Ну вот, — сказала она. — Одна новость хорошая, другая плохая. Хорошая — если хотите, можете забрать всю коробку, а плохая — я не могу продавать их по отдельности, так что, получается, надо брать все или ничего. Сэм говорит, что сама притащила эту коробку с аукциона, и хозяйка ее еще даже не видела. Но она все равно говорила, что в лавке больше нет свободных полок для новых книг, так что... А еще одна плохая новость — то, что вся коробка стоит пятьдесят фунтов. В общем, смотрите...

— Я возьму, — сказала я.

— Серьезно? Отдадите такую кучу денег за коробку книг? — Она улыбнулась и пожала плечами. — Ну, как знаете. В таком случае с вас пятьдесят фунтов.

Дрожащими руками я достала из сумки кошелек, вынула из него три смятые десятифунтовые банкноты и одну двадцатку и протянула их девушке. Я не дала себе времени подумывать о том, что это практически все деньги, которые у меня остались, и что следующие три недели мне не на что будет покупать себе еду. Меня вообще сейчас во всем белом свете волновала только одна вещь: выйти из магазина с “Наваждением” прежде, чем кто-нибудь опомнится и попытается меня остановить. Сердце колотилось с невообразимой скоростью. Не хватало еще грохнуть и умереть на месте до того,

как я успею прочитать хоть строчку из этой книги! Черт, черт, черт.

— Отлично, спасибо. Уж извините, что так дорого, — сказала мне девушка.

— Ничего страшного, — выдавила я в ответ. — Много из этого пригодится мне для диссертации.

Я положила “Наваждение” в рюкзак — так надежнее, подхватила коробку, вышла из магазина и, прижимая коробку с книгами к груди, в темноте двинулась в сторону дома. Я жмурилась от холода и едва ли отдавала себе отчет в том, что со мной только что произошло.